

МОТИВ НЕУСПЕХА В ПОЗДНЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Д.В. ФИЛОСОФОВА

Павел Лавриненц

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Прибыв в Варшаву в начале 1920 г. вместе с Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и В. А. Злобиным, Дмитрий Философов, как известно, два последних десятилетия своей жизни провел в Польше. Политическая и общественно-политическая деятельность Философова сопровождалась участием в руководстве и редактировании газет *Свобода* (1920–1921), *За Свободу!* (1921–1932), *Молва* (1932–1934), журнала, затем газеты *Меч* (1934–1939). Для этих изданий он постоянно, хотя и с меняющейся временами частотой, писал свои статьи, заметки, рецензии – до тех пор, пока в 1936 г. 64-летний Философов по возрасту и недомоганиям прекратил публиковаться в печати и участвовать в какой бы то ни было публичной деятельности. Последний период жизни публициста и критика назван Юзефом Чапским наиважнейшим и поистине героическим, а сам Философов охарактеризован как самый выдающийся, после ухода Б. В. Савинкова, представитель русской политической эмиграции и наиболее близко связанный с Польшей¹.

¹ См.: Bazyli Białokozowicz, “Józef Czapski i triumwirat literacki (Dymitr Merezkowski, Zinaida Gippius i Dymitr Filosofow)”, *Kresy i pogranicza:*

Отдельные эпизоды и аспекты деятельности Философова в польский период рассматривались в немногочисленных работах литературоведов Польши и России последних двух десятилетий. Среди них особо следует отметить цикл статей Ивоны Облонковской-Гаянцзяк, в которых достаточно подробно анализируются некоторые инициативы Философова и его участие в русско-польских литературных и культурных контактах². Однако системати-

Historia, kultura, obyczaje, Olsztyn: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1995 (Studia i Materiały WSP w Olsztynie Nr 63), s. 137, 148.

² Iwona Obłąkowska-Galanciak, 1) «Из истории русской эмиграции межвоенного периода. Проект Литературной Академии», *Studia Rossica*, V, Warszawa, 1997, с. 131–136; 2) „W duchu Puszkina. Dyskusyjny klub literacki „Domek w Kołomnie” (Warszawa 1934–1936)”, *Acta Polono-Ruthenica*, III, WSP Olsztyn, 1998, s. 283–292; 3) „Dymitr Filosofow i Maria Dąbrowska. Z historii polsko-rosyjskich kontaktów kulturalnych w dwudziestolecu międzywojennym”, *Acta Polono-Ruthenica*, IV, WSP Olsztyn, 1999, s. 338–348; 4) „Dymitr Filosofow i idea wzajemności polsko-rosyjskich okresu międzywojennego”, *Acta Polono-Ruthenica*, V, WSP Olsztyn, 2000, s. 161–170. По всей вероятности, статьи составили книгу *Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Filosofowa na emigracji* (Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2001), оставшуюся автору этих строк, к сожалению, недоступной.

ческого и детального исследования публицистики давнего единомышленника Мережковского и Гиппиус до сих не предпринималось. К очевидным трудностям в изучении наследия Философова относятся его немалый объем (по справедливому замечанию Чапского, Философов нередко писал по три статьи в день) и то, что можно было бы обозначить как невыявленность: его публикации в периодике не только не собраны и не переизданы, но и не зарегистрированы в каких бы то ни было указателях. Определенные затруднения при этом составляет атрибуция: помимо статей и заметок, публиковавшихся с фамилией Философова или легко идентифицируемыми инициалами *Д. Ф.*, часть принадлежавших ему материалов в печати появлялась с псевдонимом *Путник* или вовсе без подписи.

Цель предлагаемого исследования заключается в анализе мотива, который сформировался в текстах последних лет публицистической деятельности Философова, стал ключевым в его доктрине эмигрантского активизма и применялся им в оценках и политической, и творческой деятельности. Этим, собственно, и определяется важность мотива, дающего свой нетривиальный ответ на вопрос о смысле безнадежной борьбы, об итогах жизни – в том числе и о тех внешне неутешительных итогах, которые был вынужден подводить Философов. Материалом для статьи служили, прежде всего, публикации в варшавской газете *Молва* (последний выпуск – № 25 от 31 января 1934 г.) и в еженедельном парижско-варшавском журнале *Меч*, начавшем выходить в мае того же года, но спустя несколько месяцев преобразованном в газету: трехмесячный опыт показал, писал Философов, что «невозможно впрячь в одну телегу коня и трепетную лань. “Конем”

оказались мы и Прага, трепетную ланью – Париж»³.

Выступления Философова в этих изданиях в 1932–1936 гг. развивали прежние темы, в которых доминировала проблематика задач русской эмиграции, борьбы с большевистским режимом, польско-русских отношений. Среди русских за рубежом Философов с 1920-х гг. последовательно различал уроженцев польских территорий (национальное меньшинство), беженцев и эмигрантов. Понятия *беженцев* и *эмигрантов* в его употреблении отнюдь не совпадают с юридическими и научными определениями. К беженцам он относил тех, кто за пределами страны оказался в силу различных внешних обстоятельств, включая голод, разруху, стихийные бедствия, хаотические массовые эвакуации, – в отличие от принципиальных противников большевистского режима, покинувших порабощенную родину по внутреннему убеждению, для борьбы с поработителями. По его мнению, вместе с идейными врагами за границей осела «толпа людей бессознательных, толпа классических беженцев, бегущих всегда и везде совершенно стихийно, во имя первичного инстинкта самосохранения»⁴. Формально будучи

³ Д. В. Философов, «К читателям», *Меч*, 1934, № 19–20, 23.IX. О конфликте «между Парижем и Варшавой» и вызвавшей его полемике в статьях В. Г. Федорова, Д. С. Мережковского, Д. В. Философова, А. Л. Бема см.: «Д. С. Мережковский в варшавском еженедельнике *Меч*», вступительная заметка и публикация А. Н. Николюкина, *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал*, серия 7: *Литературоведение*, 1999, № 1, с. 180–203.

⁴ Д. В. Философов, «От чего зависит возрождение эмиграции? Доклад, прочитанный 18 марта 1934 г. на собрании “Литературного Содружества”», *Меч*, 1934, № 1–2, 20.V, с. 6. См. то же [опубликовано 04.12.2005], *Балтийский архив*, http://www.russianresources.lt/archive/Filo/Filo_9.html, подготовка текста Ларисы Лавринец, см. 15.05.2006.

эмигрантами, беженцы в понимании Философова неизбежно погружаются в суету повседневности, в обывательщину; не обремененные долгом по отношению к родине, они вольно или невольно включаются в жизнь приютившей их страны и оказываются подверженными ассимиляции.

Настойчиво выделяя из «всех русских людей, находящихся за рубежом», собственно эмигрантов (в отличие от пассивных «полуэмигрантов» и «сиро-халдейских беженцев»⁵), Философов формулировал особые требования к носящим «святое звание эмигранта». Его заслуживают «исключительно благодаря честному выполнению эмигрантских обязанностей»⁶, самоотверженной деятельности – борьбе за освобождение России, к чему способны сильные и не склонные к компромиссу личности; бессилие, пассивность, конформизм «почетного звания» лишают. Проявлением бессилия и уклонением «от всех обязанностей по отношению к России» для Философова были заботы «о заветах русской старины», уводящие в эмигрантское гетто, безделье в парижских кафе под предлогом приобщения к европейской культуре⁷, скрытое «пораженчество» в пассивном «слушании чужих речей» на торжествах «два раза в год, во имя исполнения своих священных обязанностей»⁸.

⁵ Д. В. Философов, «При особом мнении. Идеологические искания, эмигранты и беженцы», *За Свободу!* 1932, № 37 (3710), 16 февраля.

⁶ Д. В. Философов, «Наши права и обязанности», *Молва*, 1933, № 254 (477), 5 ноября. См. то же [опубликовано 04.12.2005], *Балтийский архив*, http://www.russianresources.lt/archive/Filo/Filo_8.html, подготовка текста Ларисы Лавринец, см. 15.05.2006.

⁷ Д. Философов, «Среднее мнение. Еще об эмигрантском гетто», *Молва*, 1932, № 129, 9 сентября.

⁸ Д. В. Философов, «Наши права и обязанности».

Противопоставление эмигрантов беженцам коррелирует с различением двух разрядов русских людей за рубежом – «людей очень мудрых и сильных, т. е. людей, преодолевших суету, и если не святых, то во всяком случае довольно к святости близких», и «людей слабых», бытовых⁹. Сила характера оказывалась конститутивным свойством истинных эмигрантов, противопоставленных беженцам и «полуэмигрантам».

Образцы настоящих эмигрантов и примеры подлинно эмигрантского поведения Философов черпал, в частности, в биографиях Мицкевича и Норвида, в опыте польской Великой эмиграции, зафиксированном в литературно-художественном и эпистолярном наследии и отраженном в историко-литературных и историографических трудах польских ученых. Среди прочего Философов обнаружил особый смысл для русской эмиграции в стихотворении Норвида «Паломник», потому что оно указывает, как заслужить «почетное звание эмигранта». Для этого следует «постоянно воздыматься вверх, тянуться к облакам, как башня стремится ввысь над плоскими домами»; только «непрестанным восхождением волчий билет Нансена превращается в золотую грамоту». При этом достижимость цели подчеркнута исключается из обсуждения, поскольку ценность и оправдание движения – не в результатах, а в нем самом; главное – «не бросать посоха паломника» и «непрестанно идти на Восток»:

Дело не в быстроте, не в непрерывном достижении, а в пути, в восхождении, в воле к достижению.

⁹ Д. Философов, «Без прикрас», *Молва*, 1933, № 5 (228), 6–7 января.

Не мы дойдем, так другие дойдут. Но если мы отложим наш посох, отдадим его «на хранение», то никто не дойдет¹⁰.

Результативность и целесообразность из оценки деятельности исключались; волевая, самостоятельная личность не должна считаться с мнением авторитетов и окружения, применяться к обстоятельствам, соизмерять свои замыслы с шансами на успех. Наоборот, непонимание окружающими, неприятие современниками, безрассудство выдвигаются в качестве мерил высокого качества личности и ее действий. Философов в первой из цикла статей о последних месяцах жизни Адама Мицкевича детально анализировал ситуацию поэта, который в 56 лет, казалось бы, «должен был окончательно успокоиться, отойти от политической суеты» и тихо, с достоинством «доживать свой век, писать свои мемуары, как полагается всем замечательным людям, оставшимся не у дел». Вместо этого он отправился в воевавшую с Россией Турцию, «чтобы помочь образованию польских легионов, объединить действия польских активистов, примирить враждующих между собой политических противников», и вскоре умер. Безрассудность Мицкевича противопоставлялась здравомыслию вождей русской эмиграции; по словам Философова, вряд ли легко представить себе, «чтобы Бунин, Мережковский или Бердяев, добравшись до тихой, но сколь почетной пристани», бросили бы Париж и отправились «куда-нибудь в Харбин» «формировать русские отряды,

¹⁰ Д. Философов, «Паломник», *Молва*, 1933, № 137 (360), 18 июня. См. то же [опубликовано 04.12.2005], *Балтийский архив*, http://www.russianresources.lt/archive/Filo/Filo_7.html, подготовка текста Ларисы Лавринец, см. 15.05.2006.

примирять демократов-активистов с монархистами» и «образовывать особый еврейский легион». В цепи безрассудных предприятий, провалов и личных несчастий, увенчавшейся нелепой смертью, Философов отказывался видеть поражение:

С точки зрения здравого смысла, Мицкевич был, конечно, не прав. Здравый смысл судит людей по их успехам, а Мицкевич ничего не добился. Его надежды на исход крымской кампании, на поддержку Наполеона III не оправдались. По счастью, он умер от холеры, не увидев собственными глазами своего поражения.

Но разве Мицкевич был действительно побежден? Разве этот трагический неуспех действительно доказал его неправоту?

Конечно, польские Милюковы утверждали, что Мицкевич оказался фантастом, что Мицкевичу надлежало мирно «лежать на печи», писать мемуары, терпеливо выжидая событий и отнюдь не претендуя на то, чтобы их создавать.

Но неуспех отнюдь не значит поражение. В этом отношении здравый смысл ошибается...¹¹

Более того, в концепции Философова успех предприятия или творческой инициативы, слишком быстрое признание обличают моральную недоброкачественность и творческую несостоятельность. Он сочувственно цитировал одну из статей Норвида, в которой польский поэт объяснял «оттолковение, которое встречает в толпе, при самом своем зарождении, всякая новая мысль, всякое новое открытие», тем, что они «создают новый круг действительности

¹¹ Д. Философов, «Мицкевич в Турции. Два последние месяца жизни и смерть», *Молва*, 1932, № 113, 21 августа. См. то же [опубликовано 28.09.2003], *Балтийский архив*, http://www.russianresources.lt/archive/Filo/Filo_3.html, подготовка текста Ирины Мотыгиной, см. 14.05.2006.

и очевидности». Между тем, рассуждал Норвид, перебросить человека из одной действительности в другую без известной грубости так же невозможно, как вежливо разбудить спящего человека, – даже лепесток розы все-таки сразу прерывает «течение мыслей спящего»¹². Привычное, плоское и бездарное не вызывает сопротивления и ведет к дешевому успеху. Напротив, неуспех становился удостоверением доброкачественности предприятия и поэтому оказывался предпочтительнее успеха. В статье по поводу годовщины похищения генерала А. П. Кутепова Философов свои рассуждения на эту тему подкрепил поучением ксендза Марека из *Воспоминаний Соплицы* Генриха Жевуского о том, что невеликое дело участвовать в предприятии успешном, Бог же любит тех, кто посвятил себя делу святому, хотя бы и неуспешному¹³.

К наиболее развернутым изложениям программы эмигрантского активизма, включающей в себя и установку на неуспех, относится доклад Философова, прочитанный в марте 1934 г. на собрании варшавского Литературного содружества и напечатанный затем в трех номерах газеты *Меч* в мае – июне того же года. Для обоснования активизма (не только как тактического метода, подчеркивал Философов, но и как мирозерцания, умонастроения, «некоторой философии истории») автор приводил примеры безрассудных предприятий польских эмигрантов 1833 г. и Мицкевича, выступавшего в защиту военных и политических авантюристов и тоже не

отличавшегося расчетливым благоразумием. Невзирая на критику и правого, и левого лагерей эмиграции, «непредрешенец» и «активист» Мицкевич продолжал свою бескомпромиссную деятельность изданием журнала *Pielgrzym Polski* («Польский паломник»). Пересказ, с выписками в собственном переводе, статьи Мицкевича «О людях рассудительных и безумных» из этого журнала должен был доказывать безусловное превосходство безрассудных и безуспешных действий над расчетливым, бессильным и поэтому небезуспешным бездействием. Среди прочего Философов привел эффектное противопоставление Тадеуша Костюшко, который стал во главе потерпевшего поражение восстания и умер в изгнании (но «прах его народ похоронил в усыпальнице польских королей»), разумному Станиславу Августу, похороненному с королевскими почестями, но на чужбине, в Петербурге. Философов сочувственно цитировал выводы Мицкевича, утверждавшего, что «рассудительность, т. е. сообразование с меняющимися условиями ежедневной жизни, не может быть высшим судом действий, рассчитанных на века и поколения, что рассудительность очень часто не совпадает с народным разумом», и руководствоваться следует не расчетом, а чувством долга перед отчизной.

Те же принципы активизма Философов распространял и на различные области творчества, призывая эмигрантскую молодежь не бояться непонимания, не идти на компромиссы, не рассчитывать на немедленное широкое признание. Необычный талант принимается так же недоброжелательно, как в 1833 г. встретили «“рассудительные” поляки выступления полковника Оборского или Заливского с Завишей

¹² Д. В. Философов, «Брат Дмитрий, помолчим», *Молва*, 1934, № 23 (543), 28 января.

¹³ Д. В. Философов, «Незабываемый день (26-е января 1930 года)», *Молва*, 1934, № 21 (541), 26 января.

и Воловичем»¹⁴, писал Философов. Он напоминал о провале в Париже оперы Рихарда Вагнера *Тангейзер*, о пустых залах на «беляевских концертах» Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского, А. К. Глазунова и других композиторов «могучей кучки», о том, как редактор *Вестника Европы* М. М. Стасюлевич отказался печатать очерки Д. С. Мережковского, вышедшие впоследствии под заглавием *Вечные спутники*. Всем кажется, писал Философов, что «Александр Блок сразу просиял», но он-то помнил о том, как «довольно долгое время талант Блока признавал лишь очень ограниченный круг людей», и ссылался на конфликт между Мережковским и редакцией *Русской мысли*, которая в 1908 г. отказалась печатать доклад Блока «Россия и интеллигенция»¹⁵:

Эта статья причинила крапивную лихорадку недавно скончавшемуся профессору А.А. Кизеветтеру. Он не мог допустить, чтобы подобное неприличие появилось на страницах рассудительной *Русской Мысли*.

В заметке, предваряющей серию публикаций автобиографий эмигрантских писателей, большей частью еще не завоевавших широкой известности, Философов замечал, что газеты и журналы любят «общеизвестных писателей и биографии, более или менее всем известные». Но он «за свою, по крайней мере, сорокалетнюю работу около художественного творчества» убедился в том, что «на большой дороге ничего не создается»:

¹⁴ Д. В. Философов, «От чего зависит возрождение эмиграции? Доклад, прочитанный 18 марта 1934 г. на собрании «Литературного Содружества» (Окончание)», *Меч*, 1934, № 5, 3. VI, с. 5.

¹⁵ См. Александр Блок, *Собрание сочинений в восьми томах*, т. 5: *Проза (1903–1917)*, Москва-Ленинград, 1962, с. 742–743.

На большой дороге возят лишь, в предшествии оркестра пожарной команды, колесницы со статуями «уважаемых» и «обожаемых». Им аплодируют, совершенно забывая о том, с каким трудом и под какой оглушительный свист эти «достигшие» начинали свою работу.¹⁶

В стихах Норвида или Рембо нет никаких «секретов», писал Философов в статье «Великие люди и мы», однако творческая «тайна» этих поэтов «была недоступна и непознаваема почти для всех их современников»¹⁷. При жизни было опубликовано лишь несколько произведений Норвида, бедствовавшего и умершего в приюте; но и его посмертное признание не было всеобщим. По замечанию Философова, «польский мудрец и поэт» и пятьдесят лет спустя после смерти не стал «столь же популярным, как Милюков или Вельмин в русской эмиграции»¹⁸.

В пропаганде активистской идеологии Философов прибегал к самым разным примерам жертвенного служения призванию или идее, не отвечающих требованиям здравого смысла и целесообразности. Образцами для подражания могли оказаться боярыня Морозова, лишённая имущества, подвергнутая пыткам и уморенная голодом в земляной тюрьме¹⁹, или вождь подавленного роялистского восстания и организатор неудачных покушений на Наполеона Жорж Кадудаль, кончивший жизнь на

¹⁶ Д. В. Философов, «Две автобиографии», *Молва*, 1933, № 294 (517), 23 – 25 декабря.

¹⁷ Д. В. Философов, «Великие люди и мы», *Меч*, 1935, № 27 (60), 14 июля.

¹⁸ Д. В. Философов, «Брат Дмитрий, помолчим».

¹⁹ Д. В. Философов, «Боярыня Морозова», *Молва*, 1933, № 160 (383), 15 июля.

гильотине²⁰. Во время гражданской войны в Испании мятежников, блокированных республиканцами в замке Алькасар, освободили вошедшие в Толедо франкисты. В связи с этим Философов привел пример другого рода: «Роланд пожертвовал жизнью ради идеи чести, ради защиты короля, в борьбе с “басурманами”».²¹

По его мысли, значение подвига защитников Алькасара заключался не в успешном завершении 70-дневной осады, потому что подвиг «всегда значительнее “удачи”». Его «красота и назидательность» – не в успехе, а в «нравственной и духовной высоте». По его словам, Ледяной поход или «сидение в Галлиполи» отнюдь «не “удача”, а именно “подвиг”».

Возрожденное польское государство воплощало несбыточные и безумные, казалось бы, мечты Великой эмиграции. Об отраженном в романе Марии Домбровской *Ночи и дни* этапе национально-освободительного движения и о «кучке волевых людей», выдвинувших, вопреки здравому смыслу и конъюнктуре, «безумное требование» независимости Польши, Философов писал так:

Теперь кому ума не доставало, чтобы доказать, насколько разумно и объяснимо, даже практически было их дерзание. Но не то было почти тридцать лет тому назад, когда Себастьяны (Себастьян – герой романа М. Домбровской. – П. Л.) казались такими же романтиками, как польские «вещие», в особенности Мицкевич и Словацкий²².

²⁰ Д. Философов, «Славная смерть и геройская кончина непримиримого Кадудая (1.1.1771 – 25.V.1804)», *Меч*, 1934, №№ 28 и 29, 25 ноября и 2 декабря.

²¹ Д. Философов, «Алькасар Толедский», *Меч*, 1936, № 41 (125), 11 октября.

²² Д. Философов, «“Не позволяем!”», *Молва*, 1933, № 213 (436), 17 сентября.

Некогда отвергнутые *Вестником Европы*, очерки Мережковского «перед войною давались лучшим ученикам средне-учебных заведений в виде награды»²³, музыка Стравинского или Римского-Корсакова получила международное признание – эти и многие подобные случаи отложенного, отдаленного во времени успеха Философов привлекал лишь для того, чтобы показать, как неуспех встречал произведения впоследствии признанных авторов.

Проповедь активизма закономерно включала в себя апологию сильного характера, которая у Философова следовала из его концепции роли личности в истории, своеобразно продолжавшей народнические теории:

Активизм есть прежде всего уважение к личности, признание творческой роли личности в истории, преклонение перед героем. По мнению активистов, историю двигают не только железные законы материальных причин и следствий, не только экономический материализм, но, главным образом, творческая, духовно богатая личность²⁴.

Сильный характер, великий человек, подчиняющийся «своему внутреннему закону, своему внутреннему велению», по Философову, движется «в непонятную его современникам и его последователям даль»²⁵ и обречен на одиночество, непонимание и осуждение. Однако симптоматичный мотив неуспеха и непризнания как атрибута глубинной истинности всякой творческой и политической деятельности появился в публицистике Философова лишь

²³ Д. В. Философов, «От чего зависит возрождение эмиграции? (Окончание)», *Меч*, № 5, с. 6.

²⁴ Там же, с. 5.

²⁵ Д. Философов, «Великие люди и мы».

в 1930-е гг. Отчасти это объяснимо сомнением в личной состоятельности (отсутствие каких-либо видимых достижений) и стремлением придать собственным неудачам положительный смысл.

Его житейская ситуация красноречиво изображена в записи в дневнике Марии Домбровской от 18 декабря 1934 г.: одинокий, ненавидимый за свои либеральные убеждения частью русской эмиграции (с другой стороны, отношения с польским окружением также трудно назвать бесконфликтными²⁶), Философов жил в полном убожестве, «как наш Лелевель» в эмиграции»; польская писательница не раз одалживала ему 10–20 злотых, когда у него не бывало денег на обед²⁷. 3 апреля 1932 г. Философов был вынужден напечатать в газете *За Свободу!* «Прощальную статью». Взамен прекратившей издание газеты начала выходить *Молва*, но она не смогла дожить даже до своего трехлетия: 31 января 1935 г. вышел последний номер газеты. Начатый в сотрудничестве с Мережковскими журнал *Меч* с первых же месяцев столкнулся с серьезными трудностями. В этом контексте слова о том, что сам неуспех *Польского паломника* Мицкевича служит утешением «для тех эмигрантов, повременные издания которых не имеют успеха вовсе не потому, что они плохи, а потому,

что они недостаточно рассудительны»²⁸, звучат оправданием неудач собственных изданий.

Кроме того, суждения политика и публициста, убедительные и основательные сами по себе, не могли быть авторитетными в силу «провинциальности» Варшавы по сравнению со «столичным» Парижем, поэтому Философов заведомо проигрывал, например, в непрекращающейся полемике с Милуковым. Роль политического лидера русской эмиграции в Польше и руководителя общественным мнением также удавалась Философову все меньше, в особенности из-за смены поколений и меняющихся общественно-политических условий. Позиции Философова ослабило проходившее осенью 1933 г. идеологическое и организационное оформление у русских Польши меньшинственного направления²⁹, в программных установках радикально расходящегося с эмигрантским активизмом. Положение усугубил разгоревшийся в ноябре 1933 г. и вызвавший раскол в Российском общественном комитете конфликт с С. Л. Войцеховским, который в *Возрождении* обвинил Философова в соглашательстве с большевиками. В общеизвестном соревновании Бунина и Мережковского за нобелевскую награду Философов был на стороне автора *Тайны Трех*, с которым его, как известно, связывали

²⁶ См.: Franciszek Sielicki, *Pisarze rosyjscy początku XX wieku w Polsce międzywojennej*, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1996 (Acta Universitatis Wratislaviensis No 1716), s. 238–240; Iwona Obłąkowska-Galanciak, „Dymitr Fiłosofow i Maria Dąbrowska. Z historii polsko-rosyjskich kontaktów kulturalnych w dwudziestolecu międzywojennym”, s. 344–346.

²⁷ Maria Dąbrowska, *Dzienniki*, t. 2: 1933–1945, wybór, wstęp i przepisy Tadeusz Drewnowski, Warszawa: Czytelnik, 1988, s. 83.

²⁸ Д. В. Философов, «От чего зависит возрождение эмиграции? Доклад, прочитанный 18 марта 1934 г. на собрании “Литературного Содружества”», *Меч*, 1934, № 3–4, 27.V, с. 11.

²⁹ См. Wiktor Skrunđa, 1) „Rosyjska ‘mniejszościowa’ organizacja młodzieżowa w Polsce międzywojennej (ROM). Okoliczności powstania”, *Studia Rossica*, V, Warszawa, 1997, s. 163–177; 2) „Szkice poleskie Wsiewołoda Chmarina (1932–1933) a „idea mniejszościowa” rosyjskiej diaspory”, *Studia Rossica*, VII, Warszawa, 1999, s. 194–214.

многолетние тесные личные и творческие связи; поэтому присуждение Нобелевской премии 1933 г. Бунину Дима, как называла Философова Гиппиус, должен был воспринять едва ли не как личную неудачу.

С другой стороны, мотив неуспеха обусловлен все более отчетливо обнаруживавшейся бесперспективностью борь-

бы с большевистским режимом. Участник и идеолог деятельности, не приносящей результатов, с течением работающего против него времени вынужден был все более энергично искать такое обоснование антикоммунистической работе, которое и объясняло бы неудачу, и возвышало бы безуспешную деятельность.

NEŠĖKMĖS MOTYVAS VĖLYVOJE D.M. FILOSOFOVO PUBLICISTIKOJE

Pavel Lavrinec

Santrauka

Žinomas rusų kritikas ir publicistas Dmitrijus Filosofovas (1872–1940) nuo 1920 metų gyveno Varšuvoje ir vadovavo rusų išeivių laikraščiams *Svoboda* (“Laisvė”), *Za Svobodu!* (“Už Laisvė!”), *Molva* (“Gandas”), žurnalui ir laikraščiai *Meč* (“Kardas”). Jis parašė daug straipsnių politikos ir kitomis temomis, mažai iki šiol tyrinėtų.

Straipsnyje analizuojama Filosofovo 1930-ųjų metų publicistiką skelbtą laikraščiuose *Molva* ir *Meč*. Specialiai nagrinėjamas nesėkmės motyvas, užėmęs svarbią vietą išeivių aktyvizmo doktrinoje. Nesėkmės samprata turėjo suteikti vertę bergždžiai kovai prieš komunizmą ir pateisinti asmenišką Dmitrijaus Filosofovo nesėkmes.

MOTIVE OF FAILURE IN THE LATE PUBLICISM BY D. M. FILOSOFOV

Pavel Lavrinec

Summary

The known Russian critic and publicist Dmitry Filosofov (1872–1940) since 1920 lived in Warsaw and was the leader of the Russian emigrant newspapers *Svoboda* (“Freedom”), *Za Svobodu!* (“For Freedom!”), *Molva* (“Rumour”), magazine and the newspaper *Mech* (“Sword”). He wrote a large quantity of articles on the political and other themes, which are weakly studied,

until now. In this paper are analyzed texts by Filosofov of 1930-ies mainly published in the newspapers *Molva* and *Mech*. Specially is examined the motive of the failure, which occupied important place in the doctrine of emigrant activism. The concept of failure gave value to senseless fight against a communism and justified the personal failures of Dmitry Filosofov.

Получено: 2006, июнь.
Принято: 2006, август.

Адрес автора:
Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии
Universiteto g. 5
LT-01513, Vilnius
E-mail: pavel.lavrinec@flf.vu.lt